

ЭКОНОМИКА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статьи данного раздела подготовлены авторами на основе докладов, сделанных на Международном общественном форуме «Диалог цивилизаций», на конференции «Латинская Америка в XXI веке: универсализм и самобытность» (Куба, апрель 2005 г.).

В.Т. Рязанов

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Россия и Латинская Америка отделены друг от друга тысячами километров, находятся в разных полушариях земного шара, имеют серьезные геополитические и исторические отличия, тем не менее при более внимательном анализе обращает на себя внимание то, что в XX и в наступившем XXI в. в их экономическом и социально-политическом развитии обнаруживается немало совпадающих тенденций и проблем, что обуславливает целесообразность и полезность проведения соответствующих сопоставлений.¹ В этой связи отметим такое обстоятельство: в сравнительном анализе экономики России в контексте мирового развития традиционно преобладают сопоставления с ведущими странами Европы, а также с США. Безусловно, учитывая одну только географическую близость с европейскими странами, которая предопределяет непосредственный контакт и взаимодействие национальных экономик, такой подход вполне оправдан и значим. Однако он не исключает возможности расширения диапазона сопоставления.

Общее в природе и результатах модернизационных процессов. В чем полезность и возможность проведения сравнительного анализа социально-экономического развития стран Латинской Америки и России?

Виктор Тимофеевич РЯЗАНОВ — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ. Окончил экономический факультет ЛГУ (1972) и аспирантуру (1978). С 1968 г. работает в ЛГУ, с 1972 — на экономическом факультете. В 1989–1994 гг. — декан факультета, с 1995 г. — зав. кафедрой. Автор более 140 научных работ, в том числе 11 монографий (4 индивидуальных и 7 коллективных: руководитель авторских коллективов, автор, соавтор). Монография «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.» (СПб., 1998) издана при финансовой поддержке РФНФ. Научные интересы: теория экономического развития России, макроэкономические и институциональные проблемы переходной экономики. Избран действительным членом Академии гуманитарных наук и РАЕН. Заслуженный работник высшей школы РФ.

© В.Т. Рязанов, 2005

Прежде всего надо отметить значительное совпадение в целях и задачах социально-экономического развития, которые стояли и стоят перед российским и латиноамериканскими государствами. В настоящее время РФ и большинство стран Латинской Америки (ЛА) образуют «второй эшелон» в мировом модернизационном процессе. Россия вступила в процесс индустриальной модернизации с конца XIX в. Не случайно Т. Шанин назвал ее «первым развивающимся обществом», начавшим эру ускоренной индустриальной модернизации в мире.² Что же касается ЛА, то она стала первым регионом в образовавшемся в XX в. «третьем мире», который встал на путь экономической модернизации. Это случилось после мирового кризиса 1929–1933 гг., когда в указанном регионе произошел отход от модели торгово-аграрного развития и начались активные процессы индустриализации.

Отметим также и то, что в ЛА находится ряд крупных стран, которые, как и Россия, могут рассматриваться в качестве примера функционирования «больших хозяйственных пространств» со своими специфическими проблемами.³ В «десятку» самых крупных стран мира входят две страны из этого региона — Бразилия и Аргентина. (Для сравнения: по территории Бразилия почти в 15 раз превышает Францию как самое крупное западноевропейское государство, а по населению — в 3 раза.) Причем в настоящее время Бразилия вполне сопоставима с РФ и по масштабам экономики. Если в РФ на территории в 17 млн кв. км проживает 146 млн человек и в 2000 г. было произведено ВВП в 251 млрд долл., то в Бразилии на территории в 8,5 млн кв. км проживает 170 млн человек и в этом году был создан ВВП объемом в 595,5 млрд долл. (в обоих случаях — в переводе по текущему курсу обмена национальных валют на доллар).⁴ Кроме того, по данному показателю еще две латиноамериканские страны смогли опередить Россию — Мексика (ВВП равнялся 574,5 млрд долл.) и Аргентина (285 млрд долл.).⁵ Еще более важным обстоятельством является то, что в ЛА и в России в XX в. отработывались, хотя и не совпадающие в полной мере, вместе с тем достаточно близкие по своему духу, содержанию и целям, модели модернизации. Речь, в частности, идет о таких важных ее элементах, как:

- ориентация на форсированное развитие индустриализации и урбанизации с одновременным задействованием реформ политических и экономических институтов;

- опора на идеологию догоняющего развития, которая особенно была характерна для большинства стран ЛА;

- возникновение определенной цикличности и последовательности в чередовании реформ и контрреформ. Так, в ЛА цикличность относилась к смене вариантов популистско-этатистских и либерально ориентированных моделей экономической модернизации, а также демократических и авторитарных режимов политической власти. В России (СССР) она была связана со сменами моделей модернизации в условиях капиталистического и социалистического развития;

- действие общей закономерности в переходе от импортозамещающей модернизации к экспортноориентированной;

- наличие совпадений в конкретных деталях социально-экономического развития ЛА и России, например ставка на наращивание нормы накопления в

ВВП, активное использование рычагов государственного воздействия на экономику, высокая доля госсектора, использование протекционистского режима хозяйствования и т. п.

Использование модели догоняющей индустриализации опиралось на три ключевые идеи. *Первая* из них связана с гипотезой об универсальности развития. В соответствии с ней при признании особенностей каждой страны и разных континентов тем не менее предпочтение отдается всеобщим закономерностям и даже общим этапам, через которые проходят все страны. Как самый характерный пример, это концепция У. Ростоу о пяти (затем шести) стадиях экономического роста, последовательно сменяемых в ходе экономической модернизации.

Вторая идея, содержащаяся в стратегии догоняющего развития, — это трактовка тех конечных рубежей, которые должны быть достигнуты в процессе ее осуществления. Формально они звучат как переход от «традиционного» к «современному» обществу. Но при этом «современное» определяется как типичное западное общество, возникшее в недрах европейской цивилизации, а затем распространившееся по миру в виде соответствующих моделей развития или хотя бы отдельных его ценностей и целей. Аргументами, подтверждающими данное обстоятельство, считаются в первую очередь те экономические и военно-политические преимущества, которыми располагают страны Запада благодаря своим коренным качествам, отличающим их от традиционных обществ. К ним относят: доминирование индустриализма в экономике, урбанизм как господствующий образ жизни, преобладание инноваций над традициями, представительско-демократическая система власти, светский характер общественной жизни и др.

Третья идея, образующая смысловой каркас догоняющего развития, связана со ставкой на возможность и, более того, эффективность использования механизма заимствования и копирования уже отработанных экономических моделей с тем, чтобы достигнуть положительных результатов модернизации.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод: при таком подходе сложный и противоречивый процесс модернизации общества и хозяйства предстает как сугубо технократический проект с набором стандартных приемов обеспечения требуемых сдвигов в обществе и экономике.

Возникшие совпадения в использовании модернизационных стратегий в развитии наших стран, по-видимому, достаточно закономерно проявились в похожих достигнутых результатах, которые можно определить как «*полу-успех*». С одной стороны, страны ЛА и Россия благодаря своим реформационным усилиям смогли войти в «зону развития», устранив в ряде случаев существенные разрывы с ведущими экономическими державами.⁶ С другой стороны, эти страны так пока и не смогли попасть в лидирующую группу высокоразвитых стран. Но главное даже не в этом. Более существенным фактом является то, что до настоящего времени у них не сформировалась устойчивая национальная модель хозяйствования, обладающая способностью к самоподдерживающемуся росту и перспективная с точки зрения последующего укрепления конкурентных позиций в мировой экономике. И это весьма серьезная проблема, означающая, что страны по-прежнему продолжают находиться в поиске выбора наилучшей общественно-экономической системы.

ВВП на душу населения в России (СССР) и в странах Латинской Америки (1900–2000 гг.)

Страны	1900 г.	1938 г.	1950 г.	1970 г.	1990 г.	2000 г.
Россия/СССР/РФ	1218	2150	2834	5569	11505	7294
Аргентина	2756	4072	4987	7302	8534	11254
Бразилия	704	1291	1673	3067	6021	6837
Венесуэла	821	4144	7424	10827	5438	5468
Колумбия	973	1843	2089	3104	5333	5715
Мексика	1157	1380	2085	3774	6946	8291
Перу	817	1757	2263	3807	3341	4320
Чили	1949	3139	3827	5217	5794	8966
Мир в среднем	1305	1923	2238	3964	5993	6989

Примечание. В 1900–1970 гг. ВВП на душу населения рассчитан А. Маддисоном в постоянных ценах в долларах 1990 г. (*Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris, 1995*). Данные за 1990 и 2000 гг. представляют собой ВВП на душу населения в долларах США (1996 г.) по паритету покупательной способности валют. Среднемировой уровень рассчитан по 56 наиболее крупным странам всех континентов (см.: *Красильщиков В.А. Латинская Америка сегодня — Россия завтра // Мир России. 2002. № 1. С. 61, 64, 82*).

Как видно из таблицы, Россия (СССР) и ведущие страны ЛА в XX в. развивались неравномерно по отдельным его периодам, но в целом достаточно синхронно. Для России (СССР) наилучшим периодом по достигнутым результатам был период с 1950 по 1970 г., когда величина ВВП на душу населения в стране практически удвоилась и она в 1,4 раза превышала средний мировой уровень. Это стало наивысшим достижением отечественной экономики. Особо трудные времена для российской экономики наступают в 1990-е годы, когда произошло почти двукратное падение ВВП в результате кризиса 1990–1998 гг.

И для основных латиноамериканских стран период 1950–1970 гг. также оказался весьма успешным. За это время величина ВВП на душу населения в целом по семи этим странам увеличилась более чем в 1,5 раза (с 3478 до 5300 долл.), на 1/3 превысив среднемировой уровень. В 1980–1990-е годы экономика ЛА заметно притормозила свое движение, также растеряв потенциал динамического развития. Причем в 1980-е годы в большинстве стран этого региона произошло падение производства ВВП на душу населения, а в некоторых из них упал и физический объем ВВП. Его рост возобновляется в 1990-е годы. В этот период увеличение его значения на душу населения составило по семи странам 22% (с 5915 до 7264 долл.). Причем по отдельным странам он оказался неравномерным. Более высокими темпами развивались Чили и Аргентина.

В чем истоки нерешенности и все еще неоконченности модернизационного процесса в России и Латинской Америке? Различаются ли они или совпадают в странах, столь географически отдаленных друг от друга?

Общей характеристикой для анализируемых стран, во-первых, является сохранение неустойчивости социально-экономического развития, при которой они периодически попадают в зоны разрушительных экономических и политических потрясений, что нарушает целостность складывающихся моделей хозяйственного и общественного устройства стран.

Во-вторых, в ходе осуществления модернизационных проектов возникали и сохраняются острые противоречия и конфликты, обусловленные огромными разрывами в уровне и образе жизни различных социальных слоев общества, нарастанием социального напряжения в обществе. Это прежде всего касается стран ЛА, которые на протяжении всего XX в. так пока и не смогли разрешить острые социальные проблемы, связанные с бедностью и нищетой, безработицей и огромной социальной дифференциацией. В России социальная ситуация в 1990-е годы пошла по латиноамериканскому сценарию.

В-третьих, использование стратегии догоняющей модернизации с ее ориентацией на заимствование чужого (западного) опыта как в России, так и в странах ЛА столкнулось с их социокультурным своеобразием, которое хотя и с разной степенью, но в целом не соответствует системе ценностей западно-капиталистической цивилизации. Такие качества, как общинность, коллективизм, склонность к традициям, государственный патернализм, религиозный консерватизм, представленный в России православием и исламом, а в Латинском мире католицизмом, создавали заслон на пути проникновения системы хозяйствования, основанной на индивидуалистической психологии и капиталистических принципах. Поэтому попытки модернизационных элит их демонтировать, относясь к ним как к «пережиткам прошлого», встречали нарастающее сопротивление со стороны большинства общества как отражение защитной цивилизационной реакции. Одновременно формировался новый узел противоречий — между правящей элитой, стремящейся реализовать заимствованный вариант модернизации, и большей частью общества, сохраняющей приверженность исторически сложившимся социокультурным ценностям.

В-четвертых, страны, использовавшие стратегию догоняющего развития, не могли не столкнуться с ситуацией, при которой ее достаточно закономерным результатом становится попадание в режим «зависимого развития». Его характерной чертой выступает «имитационная» природа формируемой модели экономики, а наиболее зримым внешним признаком — рост колоссальной внешней задолженности (а значит, и зависимости от кредиторов), свидетельствующий о рождении специфического и ранее теоретиками многих школ не прогнозируемого явления в рамках капиталистической хозяйственной системы — «периферийного капитализма». Данный вид капитализма характерен для политически независимых стран, в которых уже сложились соответствующие принципы хозяйствования и удалось продвинуться в экономическом развитии, но при этом они не обладают высокой эффективностью и уступают в конкурентоспособности лидирующим экономикам, выполняя подчиненную и обслуживающую функцию в отношении господствующего центра. ЛА стала первым масштабным регионом и самым ярким подтверждением реальности возникновения такого «недозревшего» капитализма не как кратковременного эпизода в переходе к его развитой фазе, а как исторически устойчивого и застойного явления в долгосрочном периоде.

В этой связи интересен такой любопытный факт. В конце XIX в. на опасность периферизации экономики указывали русские народники (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон), и это была принципиально новая постановка проблемы развития. Такие выводы они сделали в спорах о судьбе первого наступления

капитализма в нашей стране. Именно тогда Россия впервые столкнулась с проблемами нехватки капитала и ростом внешней задолженности, которые обострились в условиях растущего вывоза отечественного капитала из страны. В последние десятилетия XX в. своеобразную эстафету от русских экономистов подхватили их латиноамериканские коллеги, такие как Р. Пребиш, С. Фуртадо, Ф. Кардозу и многие другие, которые активно разрабатывают концепцию зависимого и периферийного развития применительно к современному этапу.⁷ И сегодня уже российским экономистам следует более внимательно обратиться к анализу трудов этих экономистов с тем, чтобы успешнее решать задачу вывода экономики России из тупиковой ситуации развития.

Неолиберальная волна реформирования и ее результаты. Наличие совпадающих черт в модернизационных процессах в нашей стране и в странах ЛА, возникающих на протяжении всего XX в., подтверждает неслучайность общего вступления в новую фазу реформирования, на сей раз неолиберального, хотя оно и не совсем совпадает по времени в разных странах. Продолжающееся использование устаревшего варианта индустриально-догоняющей модернизации даже в условиях попыток перехода от импортозамещающей к экспортно-ориентированной модели развития с сильным государственным вмешательством означала фактическую исчерпанность преобразовательного потенциала, содержащегося в ней, и требовала перехода к новой модели развития. Причем причинами общей неудачи в переходе латиноамериканских стран, а также СССР к экспортноориентированной модели развития стали до конца не преодоленные препятствия в обеспечении опережающего экспорта готовой и конкурентоспособной продукции, что консервировало политику импортозамещения в развитии или ориентировало экономики на экспорт сырья. Что же касается предложенной ЭКЛА⁸ идеи образования «общего рынка» в ЛА, который позволил бы создать исходные предпосылки для благоприятствования в развитии производства и экспорта готовой продукции в своем регионе, то она в силу многих причин не была в полной мере осуществлена.⁹ С этой стороны возникновение СЭВ для советской экономики закладывало более приемлемые условия для реализации курса на растущий экспорт готовой продукции, хотя и они не были использованы с высокой эффективностью для нас.

Становление постиндустриальной экономики с изменившейся технико-технологической структурой производства и появлением новых факторов и стимулов роста, которое начинается в последней трети XX в. в развитых странах, не могло не усилить падение эффективности традиционных методов индустриального развития. К тому же происшедшие в мировой экономике «нефтьшоки» и нарастающий отток капитала из развивающихся стран дополнительно влияло на потребность в смене модели экономической модернизации. Выбор в качестве нее неолиберальной версии отражал зародившуюся еще в конце 1970-х годов в развитых капиталистических странах общемировую волну либерализации экономики. Ее внедрению в модернизационную стратегию способствовал как кризис старой модели развития с сильным государственным вмешательством, так и фактическое отсутствие на тот момент новых альтернативных неолиберализму идей и моделей преодоления социально-экономического отставания. При этом следует иметь в виду, что неолиберальная модель реформи-

вания в латиноамериканском регионе реализовывалась раньше, чем в России, и полученные ее результаты могут быть полезными для социально-экономического прогнозирования в нашей стране.

Если оценивать их, то нельзя не видеть ряд важных экономических сдвигов, которые произошли в ЛА в последние 15–20 лет. Так, восстановился экономический динамизм, темпы роста ВВП в 1990-е годы в этом регионе увеличились до 3,3% средним в год и 1,5% в среднегодовом исчислении на душу населения. В эти годы страны региона заметно продвинулись вперед в модернизации сферы финансов, информатизации и развитии телекоммуникаций. Удалось приостановить инфляцию и оздоровить финансовую систему.

Существенным моментом стало и то, что в этот период ЛА удалось заметно продвинуться к экспортноориентированной модели развития. Об этом свидетельствуют превышение роста экспорта в регионе в период 1990–2001 гг. более чем в два раза (при среднегодовом его значении в 8,9%) в сравнении с ростом ВВП. В результате к 2001 г. экспорт из латиноамериканских стран равнялся 391,4 млрд долл. (в 1990 г. — 161,4 млрд долл.), а экспортная квота почти удвоилась, достигнув величины в 20,4%.¹⁰ Все это позволяло надеяться на то, что экспортное производство превратится в «локомотив развития». Однако этого не произошло в силу ряда причин. Во-первых, еще большими темпами в этот период рос импорт (среднегодовой рост составил 11,6%), что осложняло ситуацию с платежным балансом стран.

Во-вторых, увеличение притока иностранных инвестиций привело к тому, что их доля в инвестиционной квоте возросла до 20–25%.¹¹ В условиях сохранения инвестиционной активности привлеченные капиталы обеспечивали достаточно высокую норму накопления в 22% от ВВП (при доле национальных сбережений в 18%), что позволило добиться увеличения темпов развития. Однако к концу XX в. эта активность затухает, соответственно норма накопления падает до 19% ВВП и для экономики ЛА наступают более трудные времена.¹² Это означает, что далеко не любое привлечение иностранного капитала, даже в форме прямых инвестиций, имеет долгосрочный эффект для стран, его импортирующих.

Наконец, обратим внимание и на такую принципиальную деталь, связанную с ограниченностью возникшей экспортноориентированной модели экономики. Дело в том, что развитие экспорта готовой продукции основывалось на активном подключении к процессам глобализации через привлечение крупных ТНК, которые создавали свои филиалы в ЛА в расчете на дешевую рабочую силу и другие благоприятные факторы. В результате созданный сектор готовой продукции приобрел «анклавный» характер, нацеленный на обслуживание мирового хозяйства (и ТНК), но фактически выпадающий из национального воспроизводственного контура. И вообще следует иметь в виду, что ставка на «отверточное» производство сама по себе малоэффективна. Об этом надо помнить нынешним российским реформаторам, которые, похоже, делают аналогичный выбор, если судить по принятым решениям в области автомобилестроения. В этом случае следует учитывать одно ключевое отличие экономики России от экономики ЛА. Дело в том, что национальные сбережения в нашей стране превышают 30–32% от ВВП, т.е. они почти в 2 раза выше, чем в латиноамери-

канском регионе. Это означает, что у нас есть реальная возможность в создании (во многих случаях — воссоздании) полноценного собственного сектора готовой, наукоемкой продукции. В такой ситуации государственная поддержка «отверточного» производства, особенно там, где имеются собственные заделы, способна окончательно разрушить национальное производство и его воспроизводственную целостность.

Противоречивость достигнутых результатов неолиберальных реформ в ЛА проявилась и в других более традиционных зонах их уязвимости и ограниченности. Даже опыт реформирования Чили, которая традиционно выставляется в качестве страны, добившейся образцовых достижений, не столь впечатляющ, если их сравнивать со странами других быстро развивающихся регионов. Так, в период 1975–1985 гг. среднегодовые темпы роста ВВП Чили составили 3,5%, в течение которого экономический рост сочетался со спадом в период 1982–1983 гг. (Для сравнения: экономический рост в КНР в более длительной перспективе в 1978–2004 гг. составил 9,4% в среднегодовом исчислении.) При этом почти в три раза возросла внешняя задолженность Чили (с 6,7 до 19 млрд долл.), а экономическое развитие сопровождалось общим падением реальной заработной платы. Характерно и то, что либеральный экономический курс в Чили реализовывался в условиях проведения более осторожной и взвешенной политики приватизации государственного имущества в сопоставлении с РФ. В руках государства сохранился контроль за стратегически важными отраслями для страны (в частности, за добычей и переработкой медной руды как основной в тот период экспортной отрасли). Поучительным фактом, полезным и для нас, является то, что в период экономического кризиса (1982–1983 гг.) либеральное чилийское правительство не побоялось пойти на пересмотр итогов предшествующего этапа приватизации, национализировав ряд частных предприятий и банков, когда эти предприятия не смогли обеспечить эффективную работу. Принципиально важно и другое обстоятельство, связанное с тем, что более существенные результаты экономического развития в Чили были получены после ухода Пиночета (в 1989 г.), когда была восстановлена демократия в стране, а экономический рост наконец смог способствовать сокращению уровня бедности.

В целом же по региону, несмотря на неплохой в сравнении с рядом других регионов мира рост экономики в 1990-е годы, величина ВВП на душу населения в ЛА лишь в 1997 г. превысила уровень 1980 г. Более того, конец столетия в регионе был отмечен спадом и застоём на континенте в целом. Многие латиноамериканские страны испытали крупные финансовые потрясения, к примеру, Мексика — в 1994–1995 гг., Бразилия — в 1997–1998 гг., Аргентина — в 2001–2002 гг.¹³ Иначе говоря, неолиберальные реформы оказали на экономический рост лишь временное стимулирующее воздействие, а значит, в очередной раз и они не привели к возникновению устойчивой модели самоподдерживающего роста.

Еще более существенным обстоятельством является то, что странам этого региона в процессе неолиберального реформирования не удалось принципиально преобразовать устаревшую индустриальную структуру экономики, а значит, добиться восстановления и укрепления своих конкурентных позиций в миро-

вом хозяйстве. Этим только подтверждается не раз проявляющаяся закономерность, согласно которой рыночные механизмы не в состоянии обеспечить назревшие крупные структурные сдвиги в народном хозяйстве, во всяком случае, в приемлемые для реформируемых стран сроки. Именно данное обстоятельство выступает главным препятствием, мешающим перейти к модели устойчивого роста. Поэтому и в современной России, решая задачу наращивания экономической динамики, необходимо учитывать наличие зависимости возникновения модели самоподдерживающегося роста от реального проведения структурной перестройки народного хозяйства.

Важно выделить и такой принципиальный момент: социально-экономическое развитие латиноамериканского региона в период проведения неолиберальных реформ не привело к устранению традиционных недостатков в осуществлении модернизационного процесса, к которым следует отнести продолжающееся нарастание внешней задолженности, сохраняющийся высокий уровень бедности и чрезмерную социальную дифференциацию, нерешенную проблему безработицы.

Так, в 1990-е годы внешний долг вырос в Аргентине с 61 до 145 млрд долл., Бразилии — со 123 до 240, Мексике — со 116 до 161, в Чили — с 17 до 34 млрд долл. Всего же ЛА к 2003 г. задолжала около 744 млрд долл. (в 1995 г. долг составлял 625 млрд долл.).¹⁴ Социальная деформированность экономического роста проявилась в том, что он сопровождался не увеличением, а сокращением занятости. В результате безработица в латиноамериканском регионе не опускалась ниже 8–9% (в городах), а в периоды ухудшения хозяйственной ситуации она могла резко подскочить (к примеру, в Аргентине в 2001 г. безработица превышала 18%).

Не улучшилась ситуация в регионе и с уровнем бедности. Даже сегодня в ЛА свыше 200 млн человек должны быть отнесены к категории бедного населения, а это более 1/3 населения, причем почти половина из них живет в нищете. И конечно же, далеко не случайным социальным результатом является то, что в период активного проведения неолиберальных реформ дифференциация населения по доходам еще более возросла (за исключением Мексики). Так, в наиболее крупных странах данного региона среднедушевые доходы самых богатых 10% населения к самым бедным 10% населения превышают в десятки раз (в Бразилии — в 86,9 раза, Колумбии — 47,7 раза, Чили — 36,6 раза).¹⁵

То, что такой социальный результат неолиберального реформирования является не случайным, подтверждает опыт его российского использования. В современной России также не менее 1/4 населения оказалось в зоне социального неблагополучия, и даже в условиях продолжающегося экономического роста это оборачивается не сокращением, а консервацией и увеличением социальной дифференциации.¹⁶

«Левый поворот» в Латинской Америке и проблема выхода из либеральной политики. Начавшийся раньше в ЛА неолиберальный цикл реформирования вполне закономерно подошел к своему финишу. Об этом свидетельствует не только обострение политической борьбы в регионе, но и независимая экономическая экспертиза. В частности, специалисты Межамериканско-

го банка развития в подготовленном ими в 2002 г. докладе сделали такой симптоматичный вывод: «Отказаться от реформ или найти путь их модификации — это наиболее острый вопрос, стоящий перед регионом».¹⁷

После 15–20 лет реформирования уже в ряде стран ЛА (в частности, в Венесуэле, Бразилии, Аргентине, Доминиканской Республике, Боливии) произошел политический разворот и к власти пришли левоцентристские силы. Важно подчеркнуть, что такой «левый поворот» осуществился не через революционные перевороты, а демократическим путем в результате победы на выборах. Демократическое завоевание власти «новыми левыми» произошло под лозунгом выдвижения обновленной леводемократической платформы как современной постлиберальной альтернативы.

В целом же современную социально-экономическую ситуацию в ЛА можно охарактеризовать как уникальную. Речь идет о том, что сегодня в этом регионе непосредственно конкурирует чуть ли не весь возможный спектр парадигм развития — от экономики планово-социалистического типа с постепенным рыночным реформированием (Куба) до совершенствования и отладки либеральной экономической модели (Чили). Характерно то, что в данном случае свойство многовариантности и альтернативности развития реализуется не в гетерогенном пространстве, когда уже само своеобразие условий хозяйствования рождает множественность путей в экономике. Здесь же различающиеся экономические модели возникли при однородных цивилизационных, географических, экономических, ментальных и т. п. условиях, что только подкрепляет общий вывод о наличии многовариантности и альтернативности в реформировании и развитии как всеобщем свойстве.

Что же касается РФ, то нынешняя ситуация напоминает положение СССР в середине 1970-х годов, когда резкое повышение мировых цен на нефть сгладило остроту осознания исчерпанности устаревшей модели плановой экономики и необходимости ее коренного обновления. И в настоящее время благоприятная для нас конъюнктура на мировых рынках мешает правящей элите трезво оценить достигнутые результаты, возможности и пределы неолиберального реформирования. Свой выбор нынешняя власть сделала, как представляется, будучи непреклонно уверенной в исторической перспективности либеральной модели экономики для нашей страны, ради достижения которой можно пожертвовать демократией, сложившимися хозяйственными традициями, менталитетом, социальным благополучием. Не пугает рыночных фундаменталистов даже вымирание населения ради окончательной победы либерализма.¹⁸ Подчеркнем, что отсутствие критической рефлексии на предшествующий этап реформирования — это признак идеологической ортодоксальности и ограниченности, при которой чужие модели и рецепты воспринимаются как абсолютные, не подвергаемые никаким сомнениям.

При этом сторонники либерального курса не устают доказывать, что он, несмотря на уже полученные неблагоприятные последствия в самых разных сферах, создает наилучшие условия для строительства эффективной (конкурентоспособной) экономики. Но так ли это? Происходящие изменения в ЛА свидетельствуют об обратном. «Левый поворот» в этом регионе произошел не случайно, и он ясно показывает, что в реальности не существует так называемой «точки невозврата», которая трактуется ныне в категориях безальтернативнос-

ти либерализму. Пример ЛА свидетельствует о том, что и в РФ неолиберальная политика также носит исторически преходящий характер, а отказ от нее вполне возможен на демократической основе. Современное российское общество уже достаточно «устало» от либерализма и от его носителей, оно дозрело до своего «левого поворота».

Вместе с тем проблема выхода из либерализма и выбора эффективного альтернативного пути модернизации по-настоящему сложна и до конца еще не осмыслена. Либерализм легко критиковать, но значительно сложнее из него выйти, учитывая, к примеру, действие инерционности хозяйственно-политической системы, ослабленность экономики и т. п. Наконец, либеральная политика имеет свою логику и свою «правду». В этом случае единственная ставка на популизм с его преимущественно перераспределительной риторикой как самой простой защитной реакцией большинства населения на проводимую либеральную политику чревата возможными негативными срывами. Исторический опыт чередования волн либерализма и популизма, через который прошла ЛА, свидетельствует об его малоэффективности и его не следует повторять в России. Поэтому достижение задачи восстановления исторически и социально-экономически оправданного уровня справедливости и сглаживания социального неравенства — это своего рода программа-минимум, которая реализуется на первом этапе постлиберального развития. При всей ее первоочередности и важности не должна недооцениваться более перспективная и сложная цель развития, связанная с обеспечением устойчивого и сбалансированного экономического роста при одновременном крупном структурном сдвиге в народном хозяйстве. По масштабности она соответствует решению задач из программы-максимум и сопоставима с ранее осуществленными программами индустриализации.

Однако этим не исчерпывается перечень ключевых задач, которые должны реализоваться в постлиберальный период. Чтобы превратить новую левую альтернативную парадигму развития в работающую и эффективную стратегию как в уже формирующейся новой ситуации в ряде стран ЛА, так и потенциально в РФ, необходимо продумать новые решения в самых разных областях. Рассмотрим некоторые из наиболее важных новых подходов на примере современной России.

Во-первых, левая постлиберальная альтернатива должна стать демократической как наиболее соответствующей интересам социального большинства. Это связано с тем, что РФ постепенно движется в сторону формирования «неорганичного» либерализма, при котором складывается внутренне несбалансированное, несопряженное соотношение между упорным развертыванием либерализма в экономике при последовательном свертывании институтов либеральной демократии и разворачиванием политической системы в сторону бюрократического авторитаризма с падающей эффективностью государственного управления, консервацией высокого уровня социального неравенства и растущей социальной напряженностью в обществе. Такой разворот является достаточно закономерным результатом проведения неолиберальной модернизации в странах периферии, в частности не раз он возникал в ЛА, превращая власть в проводника интересов местного олигархического капитала и крупного транснационального капитала.

Выдвижение левой демократической альтернативы важно и в качестве реакции на прошлый социалистический опыт, когда главный упор в экономике делался на организующую и социально-патерналистскую роль государства. Полномасштабное возвращение государства в экономику в виде массовой национализации и воссоздания крепкого госсектора в экономике, внедрения государственного регулирования и планирования, восстановления социальных функций государства и т. п. — все это ведет фактически к реставрации модели государственно-перераспределительной экономики в новом облике, скорректированной на более высокий уровень многоукладности и рыночности. Теоретически и практически такой вариант возможен, но в целом свой потенциал он уже исчерпал в виде советской модели экономики, которая доказала свои преимущества для этапа раннего индустриализма. Учитывать надо и то, что активное включение перераспределительного государственного механизма в уже сложившейся социально-экономической ситуации в стране с неизбежностью запускает тенденцию бюрократизации управления, рождая свою модель авторитаризма в экономике и политике.

Следовательно, современный выбор стратегии общественно-экономического развития страны необходимо искать на путях альтернативы как нынешнему либерализму, так и старому варианту государственной экономики. Левая демократическая альтернатива не просто дополняет либерализм в экономике, она основывается на гармоничном использовании демократических механизмов как в политике, так и в экономике. В этом случае демократический режим власти выступает не просто в качестве реализации своей представительской формы, а как система народовластия, обладающая такими чертами, как дееспособность, ответственность, антикоррупционность. Что же касается развертывания демократии в экономике, то оно предполагает борьбу с всемогуществом олигархии и бюрократии, установление общественного контроля за распределением и использованием произведенного в стране прибавочного продукта, внедрение институтов общественного самоуправления и самоорганизации хозяйственной жизни, обеспечение согласованности и сбалансированности экономических и социальных целей развития и т. п.

Во-вторых, новая левая альтернатива должна найти эффективный способ превращения своих самобытных качеств в конкурентные преимущества. Ведь они, как правило, рождаются из национального своеобразия стран. Для этого необходимо не консервировать самобытность как таковую, а усилить внимание к прагматической стороне ее использования. Эффективность такой стратегии, выработанной на ее основе, будет зависеть от решения разноплановых задач. Это — формирование «коллективной воли» в обществе в достижении поставленных целей преобразования и создание «национального стиля» управления, который отражал бы исторические традиции, адаптируя их к современной ситуации. Наконец, это и обеспечение своего набора потенциально перспективных направлений специализации производства в стране в целях укрепления конкурентных позиций в международном разделении труда и т. д.

В-третьих, новая левая альтернатива должна найти собственный ответ в реализации потребности перехода от традиционной модели индустриальной модернизации с уже исчерпавшимся потенциалом развития к новой модели, базирующей

щейся на императивах постиндустриализма.¹⁹ В настоящее время его разработка предполагает согласованное и опережающее развитие наукоемкого производства, информатизации, науки, образования и культуры. Причем решение данной задачи еще в большей степени связано с областью неизведанного. Ведь вопрос о том, насколько в принципе возможен переход от индустриальной к постиндустриальной модели экономики, используя модернизационные стратегии, — теоретически и практически остается открытым. В мире накоплен опыт более или менее успешных примеров индустриальной модернизации, но означает ли это, что он применим и к постиндустриализму? И не обречены ли такие страны на закрепление сугубо индустриальной специализации?

Данная проблема тем более важна для РФ, учитывая растущую роль экспортно-сырьевого сектора экономики, что оборачивается подавлением отраслей готовой продукции. Как показал опыт последних 10–15 лет, неолиберальная стратегия не в состоянии разрешить данную проблему в приемлемые сроки. Она обрекает нашу страну на длительную консервацию сырьевой модели и усиление зависимости экономики от действия внешних факторов. Чтобы реально ее развернуть в сторону современных постиндустриальных тенденций, Россия должна найти путь к постиндустриализации, соответствующий ее условиям и ограничителям, традициям и возможностям, не игнорируя, безусловно, зарубежный опыт. При этом целесообразно осмыслить собственную практику осуществления крупных народнохозяйственных программ, таких как ГОЭРЛО, индустриализация, послевоенное восстановление. По-видимому, и в настоящее время оправданна разработка аналогичной программы применительно к проведению постиндустриализации страны, которая подчинила бы общественную и хозяйственную деятельность всех субъектов производства целям ее проведения. И еще важен один урок из отечественного опыта решения крупных народнохозяйственных проблем. Важно, чтобы политика постиндустриализации, наконец-то, стала с «человеческим лицом», т. е. не осуществлялась бы за счет очередного ограбления большинства населения страны. Обращаясь вновь к демократической составляющей постлиберальной альтернативы, отметим, что она и в этом случае способна создать более действенные предпосылки для такого решения проблемы.

В заключение отметим, что разноплановый опыт экономической модернизации в Латинской Америке показывает его близость аналогичным процессам в России. В настоящее же время такой опыт особенно полезен с точки зрения оценки возможности и перспектив, достоинств и недостатков в реализации постлиберальной парадигмы развития на практике. А значит, он может внести свою лепту в обоснование выбора более эффективной стратегии социально-экономического развития России в будущем.

¹ В этой связи отметим, что проблеме изучения сходства в стратегии экономического развития России и Латинской Америки была посвящена дискуссия, прошедшая в журнале «МЭ и МО» (см.: Россия и Латинская Америка: сходные проблемы зависимого развития? // МЭ и МО. 2004. № 2, 3, 5).

² *Shanin T. Russia as a «developing Society»*. London, 1985.

³ К таким специфическим проблемам, к примеру, Я.Г. Шемякин относит следующие: 1) континентально-планетарный размах; 2) доминанция пространства над историей и человеком и, стало

быть, «хаоса» над «логосом»; 3) трудность овладения собственным внутренним многообразием. (Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001).

⁴ См.: Страны и регионы. 2002: Статистический справочник Всемирного банка. М., 2003. С. 50, 170.

⁵ Там же. С. 33, 140.

⁶ В качестве примера можно привести Бразилию. Эта страна сегодня активно занимается космическими исследованиями, выпускает авиационную технику, которая стала одной из основных статей в экспорте. Примерно 15% мирового рынка гражданских самолетов приходится на долю Бразилии. В свое время столько самолетов выпускал СССР.

⁷ В трактовке Р. Пребиша периферийный капитализм является составной частью мировой системы хозяйства и он встроен в его структуру «как зависимый, придаточный капитализм, подчиненный интересам развитых стран, существующий под знаком их гегемонии и господства рыночных законов» (Пребиш Р. Периферийный капитализм: Есть ли ему альтернатива? М., 1992. С. 33).

⁸ ЭКЛА — Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке, исполнительным секретарем которой в 1950–1963 гг. был Р. Пребиш.

⁹ Более подробно о проблемах региональной интеграции в Латинской Америке см. статью С.Ф. Сутырина в данном номере.

¹⁰ См.: Ключковский Л.Л. Латинская Америка на рубеже веков: новые тенденции хозяйственной эволюции // Латинская Америка. 2002. № 12. С. 7.

¹¹ В 1990–2001 гг. прямые иностранные инвестиции в Латинскую Америку составили 446 млрд долл. (Там же).

¹² Там же.

¹³ При этом объявленный в декабре 2001 г. в Аргентине дефолт по внешнему долгу в размере 132 млрд долл. на настоящий период стал крупнейшим суверенным дефолтом в мировой истории. Финансовый кризис возник в результате проведения либерально-монетаристского экономического курса, а его непосредственными причинами выступили политика «валютного якоря», жесткая привязка денежной эмиссии к золотовалютным запасам, чрезмерная нагрузка бюджета на обслуживание внешнего долга (до 15% ВВП уходило на эти цели).

¹⁴ См.: Романова З.И. Латинская Америка в системе глобальной внешней торговли // Латинская Америка. 2004. № 4. С. 7.

¹⁵ Красильщиков В.А. Латинская Америка сегодня — Россия завтра // Мир России. 2002. № 1. С. 85, 90.

¹⁶ По данным Госкомстата РФ, в 2003 г. на 10% самых богатых приходилось 29,5% всех доходов (в 2002 г. — 29,3%), а на долю 10% наименее обеспеченных — 2,1% (в 2002 г. = 2,1%). Иначе говоря, превышение составляет 14,3 раза (в 2002 г. — 14,1 раза). По другим данным, оно превышает 17–18 раз или даже 30 раз.

Любопытно и такое совпадение: в ходе неолиберального реформирования в РФ появилось 27 долларовых миллиардеров и по этому показателю наша страна вышла на второе место в мире. В свою очередь, в Латинской Америке в настоящее время имеется 24 миллиардера (11 — в Мексике, 5 — в Бразилии, 3 — в Чили, по 2 — в Венесуэле и Колумбии, 1 — в Аргентине) (см.: Латинская Америка. 2004. № 4. С. 10).

¹⁷ Там же. 2002. № 12. С. 4.

¹⁸ О том, что демографический кризис превратился в критическую проблему, свидетельствуют такие факты. Несмотря на сохраняющийся экономический рост, население РФ продолжает сокращаться. В 2004 г. оно уменьшилось на 1,7 млн человек (!) и составило 145 млн. К середине XXI в. оно может сократиться на треть. В настоящее время более насущным выступает не столько удвоение ВВП, сколько восстановление численности населения и его последующее удвоение.

¹⁹ Подробнее см.: Рязанов В.Т. Постиндустриальная трансформация, ее социально-экономические модели и судьба экономики России в XXI веке // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2001. Вып. 2.

Статья поступила в редакцию 8 июня 2005 г.